

Оригинальная статья / Original article

УДК 502

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-211-221>

## Этапы формирования регионального экологического сотрудничества стран Северо-Восточной Азии

© А.С. Куклина

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

**Аннотация:** В статье рассматриваются этапы формирования регионального экологического сотрудничества стран Северо-Восточной Азии (СВА) в 90-е гг. прошлого века и фундаментальные принципы региональной экологической концепции, выработанной в рамках работы субрегиональной программы природоохранного сотрудничества в Северо-Восточной Азии (НЕАСПЕК). Представлены материалы, раскрывающие общую вовлеченность акторов СВА в процесс выстраивания как многостороннего экологического сотрудничества, так и отдельных его элементов: работу Трехсторонних встреч министров экологии Японии, Южной Кореи и Китая и Плана действий для северо-западной части Тихого океана. Статья рассматривает роль концепции устойчивого развития в формировании многосторонней экологической дипломатии стран СВА, позиции стран в отношении этой концепции и возможности ее внедрения в общерегиональный контекст. Отдельное внимание уделяется региональным проблемам сотрудничества, среди которых выделяют геополитическую нестабильность, нерешенные проблемы общего исторического прошлого, разные уровни экономического благосостояния, а также отсутствие доверия между акторами. Анализируются структурные проблемы, которые лежат в плоскости между политическим режимом, экономическим ростом и экологической политикой государства. В заключение говорится о роли природы, как главного государственного актива, и взаимосвязи между экономическим развитием и охраной окружающей среды. В качестве примера приводятся экологические концепции Европейского Союза и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), как региональных объединений с устоявшимся представлением о направлении своей природоохранной деятельности, а также рассматривается возможность внедрения их опыта в экологическую деятельность стран СВА. Основное решение проблемы видится в ликвидации экономического разрыва между развитыми и развивающимися странами, а также в формировании глобального экологического партнерства.

**Ключевые слова:** экологическая дипломатия, концепция устойчивого развития, сотрудничество стран Северо-Восточной Азии, региональная экологическая политика, субрегиональная программа природоохранного сотрудничества в Северо-Восточной Азии, зеленая дипломатия, устойчивый экономический рост, региональные экологические организации, охрана окружающей среды

**Информация о статье:** Дата поступления 27 марта 2020 г.; дата принятия к печати 20 апреля 2020 г.; дата онлайн-размещения 29 июня 2020 г.

**Для цитирования:** Куклина А.С. Этапы формирования регионального экологического сотрудничества стран Северо-Восточной Азии // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2. С. 211–221. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-211-221>

## The stages of formation of the Northeast Asian regional environmental cooperation

© Aleksandra S. Kuklina

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

**Abstract:** The article discusses the stages of formation of the Northeast Asian (NEA) regional environmental cooperation in the 90-s, and examines the fundamental principles of the regional environmental concept developed as a core idea of the subregional program of environmental cooperation in Northeast Asia (NEASPEC). Presented data reveal the general involvement of NEA actors in the process of building both multilateral regional environmental cooperation and its individual elements – the

work of the Tripartite Environment Ministers Meeting between Japan, South Korea and China and the North-West Pacific Action Plan. The article pays close attention to the role of sustainable development in the formation of multilateral environmental diplomacy, the perception of this concept by NEA countries and the possibility of its implementation in the region-wide context. The article also analyses regional problems of cooperation – geopolitical characteristics of the region, common historical past, different levels of industrialization of the NEA countries and the lack of mutual trust between actors. It considers the structural problems that lie in between political regime, economic growth and environmental policy of a state. In conclusion it touches upon the role of nature as the main state asset and correlation between economic development and environmental protection. It takes the environmental concepts of the European Union and The Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) as an example of established environmental policy in regional cooperation and introduces the possibility of implementing their experience in the Northeast Asian practice. The main solution of the problem is in bridging the economic gap between developed and developing countries, as well as in the formation of a global environmental partnership.

**Keywords:** Environmental diplomacy, sustainable development, Northeast Asian cooperation, regional environmental policy, subregional program of environmental cooperation in Northeast Asia, green diplomacy, sustainable economic growth, regional environmental organizations, environmental protection

**Article info:** Received March 27, 2020; accepted for publication April 20, 2020; available online June 29, 2020.

**For citation:** Kuklina A.S. (2020) The stages of formation of the Northeast Asian regional environmental cooperation. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 2. P. 211–221. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-211-221>

### Введение

Концепция устойчивого развития, институциональное регулирование охраны окружающей среды и многоступенчатый подход к проблемам экологии в реалиях глобального мира отнюдь не новы для региональных исследований, затрагивающих интересы Европейского Союза или стран Юго-Восточной Азии. Но, анализируя перечисленные выше проблемы через призму региональной деятельности стран СВА, можно столкнуться с рядом спорных вопросов, которые препятствуют становлению эффективной многосторонней экологической дипломатии в регионе. Объяснить это можно во многом противоречивым направлением экологической политики в региональном контексте, где геополитическая напряженность не препятствует сотрудничеству в рамках региональной программы природоохранного сотрудничества в Северо-Восточной Азии (НЕАСПЕК). Эта организация, играя роль фундамента в решении трансграничных экологических проблем, сотрудничества в сфере зеленых технологий, а также в обсуждении перспективных проектов, сталкивается с рядом вопросов экономического и геополитического характера, которые качественно замедляют становление институциональной составляющей экологической политики в СВА. В этой работе была предпринята попытка переосмыслить роль

экологической дипломатии и политики в СВА, проследив этапы становления многоступенчатого сотрудничества и создания регулирующих институтов, а также проанализировав первоначальные причины, затрудняющие этот процесс.

Одной из главных проблем, с которыми приходится сталкиваться исследователям Северо-Восточной Азии, была и остается размытость рамок региона, в который включают шесть действующих акторов и больше. Чтобы избежать недопонимания при дальнейшем анализе экологической политики стран СВА, необходимо обозначить конкретные рамки этого региона. По определению Экономической и социальной комиссии для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО), СВА включает в себя шесть основных государств: Китай, Южную Корею, Северную Корею, Монголию, Российскую Федерацию и Японию, с выделенными в отдельную группу Макао и Гонконгом (UN ESCAP)<sup>1</sup>. Политическая история взаимоотношений этих стран насчитывает столетия, в то время как вопросы экологии сравнительно недавно

---

<sup>1</sup> About Subregional Office for East and North-East Asia. UN ESCAP. Available at: <https://www.unescap.org/subregional-office/east-north-east-asia/about> (accessed March 3, 2020).

стали предметом активного обсуждения на региональной арене.

### **Становление основных принципов региональной экологической политики**

Отправной точкой в открытом обсуждении глобальной экологической повестки принято считать Стокгольмскую Международную конференцию по проблемам окружающей среды 1972 г., в ходе которой представители ряда государств смогли обсудить тему растущего глобального экологического кризиса и пути выхода из сложившейся ситуации. В отчете по итогам конференции были сформулированы фундаментальные принципы взаимоотношений между растущими потребностями человечества и обязательствами, которое оно должно взять на себя перед будущими поколениями и окружающей средой. Однако в отдельном пункте отмечалось, что основные экологические проблемы развивающихся стран являются прямым следствием отсутствия социального и экономического роста в них. На конференции эту проблему подняла премьер-министр Индии Индира Ганди в своем знаменитом выступлении, где она высказалась в защиту жителей развивающихся стран, которым ежедневно приходится сталкиваться с нуждой, отмечая, что даже при меньшем количестве населения развитые страны являются большим потребителем и, соответственно, загрязнителем (Indira Gandhi's Speech..., 1972)<sup>2</sup>.

В большей степени этот разрыв между развитыми и развивающимися странами в вопросах выстраивания экологической политики заметен на примере стран Восточной Азии, а в особенности ее северного региона. Однако на момент проведения Стокгольмской конференции ни одна из стран региона не могла похвастаться наличием эффективной экологической политики, что объясняет более длительные сроки формирования многосторонней экологической дипломатии по сравнению с европейскими странами.

Сама ситуация, сложившаяся в первые послевоенные десятилетия, значительно затруднила плавный переход к устойчивому индустриальному развитию. Быстрый промышленный скачок и преодоление послевоенной разрухи стали причиной ощутимого урона для окружающей среды. В этот период перед Советским Союзом встала острая необходимость переосмысления сталинской идеи «покорения» природы с ее просчетами в многочисленных грандиозных проектах, которые повлекли за собой затопление сельскохозяйственных местностей, опустынивание ранее плодородных земель, вырубку лесов (Kelley, Stunkel, Wescott, 1976. P. 23). Япония, которая позднее стала позиционировать себя лидером экологического движения в регионе, в процессе восстановления промышленных мощностей стала ассоциироваться сразу с несколькими заболеваниями, вызванными антропогенным загрязнением – болезнью Минамата, астмой Йокати и итай-итай (Куклина, 2018. С. 128). Остальные страны Северо-Восточной Азии проходили через схожие процессы, усугубленные политическими и геополитическими кризисами. И вплоть до середины 1980-х гг. контакты между странами региона в большей степени ограничивались двусторонними встречами. Но на волне гражданского экологического движения 70–80-х гг. вопросы устойчивого экологического развития стали неотъемлемой частью этих встреч (Tsunekawa, 2005).

В условиях быстро меняющейся геополитической обстановки в регионе были сделаны первые шаги на пути построения многосторонней экологической дипломатии с участием Китая и Советского Союза. В 1988 г. по инициативе Южной Кореи и в сотрудничестве с ЮНЕП состоялся первый совместный японо-корейский симпозиум по вопросам защиты окружающей среды. Позднее Китай был приглашен в качестве участника, а Монголия и СССР присутствовали как наблюдатели (Northeast Asian Conference on Environmental Cooperation)<sup>3</sup>.

---

<sup>2</sup> Indira Gandhi's Speech at the Stockholm Conference in 1972. Available at: <http://lasulawsenvironmental.blogspot.com/2012/07/indira-gandhis-speech-at-stockholm.html> (accessed November 11, 2019).

---

<sup>3</sup> Northeast Asian Conference on Environmental Cooperation (NEAC). Available at: [https://www.env.go.jp/earth/coop/coop/neac\\_e.html](https://www.env.go.jp/earth/coop/coop/neac_e.html) (accessed November 15, 2019).

В апреле 1991 г. в ходе советско-японских переговоров произошло не менее важное событие, а именно подписание двустороннего договора, который непосредственно затрагивал проблемы защиты окружающей среды и дикой природы спорных территорий. Несмотря на то, что договоренности поднимали узкую часть проблемы, этот шаг стал прямым доказательством того, как бывшие геополитические противники готовы идти на взаимодействие в вопросах экологии. Можно в целом отметить, что в этот переходный период японские премьер-министры Нобору Такэсита, Тосики Кайфу и Киити Миядзава активно поддерживали международную экологическую повестку и лидирующее положение Японии в ней (Smith, 1999. P. 304). В начале 1990-х гг. министерство экономики, торговли и промышленности Японии начало реализацию проекта помощи развивающимся странам, главной целью которого стала финансовая и технологическая помощь в вопросах построения устойчивой экологической политики; одним из основных реципиентов стали страны Восточной Азии (Revision of Japan's Official Development Assistance Charter)<sup>4</sup>.

Внедрение нового проекта происходило на волне результатов конференции по изменению глобального климата в Рио-де-Жанейро в 1992 г., которая смогла собрать делегатов из более 170 стран мира. На конференции впервые была представлена концепция устойчивого развития, в дальнейшем сыгравшая важную роль в формировании экологической политики стран СВА, и «Повестка дня на 21 век».

Эффективность и открытость подобного формата мероприятий вдохновили региональные суборганизации ООН провести собственные конференции, посвященные проблемам окружающей среды. Сразу после окончания конференции в Рио-де-Жанейро японское экологическое агентство пригласило представителей стран СВА для обсуждения назревших проблем в контексте экологического урегулирования. Встреча прошла под эгидой Экономической и

социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана и представляла собой форум между представителями правительственных организаций, исследователями и активистами экологических движений. В ходе работы был выработан новый план по созданию единой региональной экологической организации с ежегодными встречами на межправительственном уровне.

И уже в следующем, 1993 г., этот план вступил в силу вместе со стартом первого симпозиума Субрегиональной программы природоохранного сотрудничества в Северо-Восточной Азии. На встрече НЕАСПЕК присутствовали представители пяти стран за отсутствием представителей от Северной Кореи, которая, тем не менее получила приглашение для участия в форуме. На первых заседаниях были озвучены приоритетные задачи, среди которых можно выделить борьбу с трансграничным загрязнением атмосферного воздуха в регионе, решение энергетической проблемы, внедрение концепции устойчивого развития в национальные экологические планы и создание четкой институциональной структуры организации.

В последующем эти встречи стали регулярными и проходили раз в год или раз в два года, среди них хотелось бы отметить форум 1994 г., на котором впервые присутствовали все 6 стран региона, и встречу 1998 г. в Москве, где поднимались вопросы финансирования организации, создания общего трастового фонда, а также было принято решение об открытии двух исследовательских центров в Южной Корее (North-East Asian Subregional Programme for Environmental Cooperation)<sup>5</sup>.

Первая встреча в XXI в. состоялась в Сеуле, на ней были согласованы внутренние механизмы работы организации, а также принято решение о создании собственного целевого фонда, основой которого были добровольные пожертвования от стран-участниц и неправительственных организаций. А в 2010 г. было открыто постоянное представительство НЕАСПЕК в г. Инчхон, что только утвердило особую

<sup>4</sup> Revision of Japan's Official Development Assistance Charter. Available at: <https://www.env.go.jp/en/press/2003/0828a.html> (accessed November 7, 2019).

<sup>5</sup> North-East Asian Subregional Programme for Environmental Cooperation. Available at: <http://www.neaspec.org/about-neaspec> (accessed November 11, 2019).

роль Республики Корея в организации работы ведущего экологического агентства региона.

Совместная работа в НЕАСПЕК не означала сокращение двусторонних контактов, и в то время как отношения Японии с Россией и Южной Кореей продвигались в русле сотрудничества, Китай также не остался в стороне. В 1996 г. был открыт японо-китайский научный центр по защите окружающей среды, строительство которого было спонсировано японской стороной, а также предоставлено необходимое оборудование совместно с консультациями от японских специалистов (Japan's Environmental Cooperation for China)<sup>6</sup>.

Уже к середине 90-х гг. в рамках переговоров НЕАСПЕК сложился более тесный диалог между Японией, Китаем и Южной Кореей. Для дальнейшего поддержания плодотворного сотрудничества был создан новый формат встреч, который получил название Трехсторонние встречи министров экологии (ТЕММ). Первое подобное собрание состоялось в Сеуле в январе 1999 г. В ходе переговоров были выделены приоритетные направления работы, среди которых стоит выделить распространение точной и правдивой информации о состоянии экологии в регионе; укрепление сотрудничества перед лицом глобальных экологических катастроф; выработка эффективной стратегии по борьбе с загрязнением атмосферного воздуха и морского пространства; привлечение передовых технологий и исследовательских центров в своей деятельности (The Tripartite Environment Ministers Meeting among Japan, China and Korea)<sup>7</sup>. Формат этих встреч до сих пор остается актуальным, и они проводятся ежегодно.

Характеризуя этот период, нельзя не отметить деятельность более узко специализированных организаций, таких как План действий по охране, управлению и развитию морской и прибрежной окружающей среды северо-западной части Тихого океа-

на (НОУПАП), в котором участвуют 4 страны Северо-Восточной Азии: Китай, Япония, Россия и Южная Корея. Эта организация была создана для охраны прибрежных зон и морских территорий и преследовала цели рационального использования морских ресурсов региона. НОУПАП отличалась от других подобных региональных проектов наличием постоянного представительства и собственной финансовой структуры, что позволяло ей более эффективно подходить к решению поставленных задач. Этим она отличалась от НЕАСПЕК, которая охватывала сразу несколько природоохранных направлений, но, действуя на добровольных началах, организация теряла большой процент эффективности.

В целом, характеризуя переходный этап, завершившийся с началом XXI века, можно отметить открытость акторов региона к диалогу и их готовность идти на компромисс в некоторых экологических направлениях. Даже разразившийся в Азии экономический кризис 1998 г., не стал поворотным моментом для этого перспективного сотрудничества. Япония, будучи основным кредитором, выполнила изначально взятые на себя обязательства, определив экологическую дипломатию, как одно из приоритетных направлений своей внешней политики и инструмент для повышения своего международного статуса (Стапран, 2003. С. 102).

Как уже говорилось выше, 1999 г. стал ключевым для трехстороннего сотрудничества Китая, Южной Кореи и Японии, а заинтересованность экологическими вопросами со стороны общественности только росла. Не отставали частные компании и неправительственные организации. Японские компании проявили интерес к инвестированию в ряд экологических проектов по всему миру, только в 1998 г. они выделили около 600 миллиардов долларов, поделив их таким образом: 33,4 % – США, 38,7 % – Европе, 16,00 % – Азии (Environmental policy in Japan, 2005 P. 139). Прослеживается более низкий по сравнению с Европой и Америкой процент для Азии, который может быть объяснен недостаточной вовлеченностью региона в мировой рынок экологических инноваций, на долю которых и пришлось вышеуказанные суммы для западных стран.

---

<sup>6</sup> Japan's Environmental Cooperation for China. Creation of Comprehensive Base and Framework. Available at: <https://www.mofa.go.jp/policy/oda/category/environment/pamph/2001/coop-1.html> (accessed November 15, 2019).

<sup>7</sup> The Tripartite Environment Ministers Meeting among Japan, China and Korea (ТЕММ). Available at: <https://www.env.go.jp/earth/coop/coop/english/dialogue/temm.html> (accessed November 18, 2019).

Новой точкой отсчета стал 2003 г. и ядерный кризис Северной Кореи. В условиях нарастающей напряженности государства региона объединились для обсуждения путей выхода из конфликта. Встреча НЕАСПЕК в Пекине в 2007 г. проходила в атмосфере открытости. Обсуждались проекты по техническому переоборудованию теплоэлектростанций для предотвращения загрязнения атмосферного воздуха, повышения экологической эффективности существующих предприятий и предотвращения желтых пыльных бурь, поднимались вопросы финансирования. Главный фонд НЕАСПЕК был основан в 2001 г. с уставным капиталом, не превышающим миллиона долларов. На встрече 2007 г. Китай предложил увеличение финансирования организации и внес около 50 тысяч долларов. (New Linkage of Northeast Asian Regional Cooperation, 2007. P. 130–132). Однако в условиях приближавшегося мирового экономического кризиса эти меры не принесли ощутимой пользы.

Как никогда остро стоял вопрос антропогенной экологической катастрофы в Китае: непрекращающиеся пыльные бури в Южной Корее были следствием опустынивания северной части Китая и большей части Монголии, а Дальний Восток России был захвачен в кольцо лесных пожаров. Финальной точкой стала катастрофа на АЭС Фукусима-1 в марте 2011 г., когда Япония столкнулась с несколькими крупнейшими стихийными бедствиями, повлекшими одну из самых масштабных техногенных аварий в истории.

#### **Основные проблемы регионального сотрудничества**

В определении основных проблем регионального сотрудничества нельзя забывать про ряд традиционных характеристик Северо-Восточной Азии. Центральное положение в регионе занимает развитое ядро, в то время как ресурсная часть находится на периферии и зачастую не включена в общерегиональный процесс. Это отражается в первую очередь в высокой социальной и экономической контрастности стран СВА (Природопользование Дальнего Востока России..., 2005. С. 39–40).

При всей многогранности региональных экологических планов 90-х гг., в новом тысячелетии все чаще вставал вопрос эффективности предлагаемых проектов, отмечалось недостаточное финансирование и отсутствие общей заинтересованности и вовлеченности стран в процесс реализации намеченных целей, а также нерациональное распределение обязательств между НЕАСПЕК и другими экологическими организациями региона (Kim, 2009).

Трансграничность экологических проблем могла сплотить акторов региона в общей борьбе с кризисом, но в последние годы отношение к проблеме кардинально изменилось, став катализатором для взаимных обвинений. Наблюдается рост числа пыльных бурь по всей территории региона: они зарождаются в Монголии и северных районах Китая и переносят желтую пыль, которая может наносить значительный вред дыхательной системе человека. Многие эксперты видят причины столь частых бурь в экстенсивной хозяйственной деятельности человека и отмечают масштабность проблемы, указывая на границы, простирающиеся вплоть до берегов Японии.

Все вышеуказанные причины препятствуют становлению региональной экологической системы, помимо этого существуют и структурные проблемы. Профессор Акихиса Мори из университета Киото отметил роль традиционных политических режимов в становлении экологических концепций Восточной Азии. Он указал, что в истории Восточной Азии на протяжении долгого времени преобладали авторитарные режимы, ситуация практически не изменилась после Второй мировой войны, которая разделила власть на два лагеря: капиталистический и социалистический. В обоих случаях послевоенный рост экономики был возможен в первую очередь за счет природных и человеческих ресурсов. Устанавливая легитимность своей власти, недавно созданные правительства стремились отвлечь людей от вопросов демократических прав и свобод, удерживая курс на быстрый экономический рост. Экономические успехи и стабильность были призваны служить показателем благосостояния народа, а создание многочисленных экономических ведомств на макро- и микро-уровне и разветвленной инфра-

структурной сети в большинстве случаев отвлекали внимание от экстенсивной эксплуатации ресурсов и отдельных случаев катастрофических экологических последствий данной политики (Mori, 2013. P. 18–20).

В этих условиях вся внешняя политика государства сосредотачивалась на поддержании авторитета и захвате новых сфер влияния. Акторы, находясь в постоянной атмосфере недоверия, не стремились выстраивать дружеские и добрососедские отношения с другими странами региона, а любое вмешательство во внутренние дела государства рассматривалось как нарушение суверенитета. С подобной ситуацией столкнулось и зарождающееся экологическое движение в СВА в начале нового тысячелетия, когда северокорейская проблема стала приоритетным направлением многостороннего сотрудничества. Двусторонние проекты между Россией и Японией замораживались на этапе проверки специалистов, когда японские исследователи не могли получить доступ к предприятиям, занимавшимся реализацией совместных проектов. Китай и Япония столкнулись с подобной проблемой, когда стало понятно, что большая часть японских капиталовложений тратится не по прямому назначению. Случай с жестоким разгоном студенческой демонстрации на площади Тяньаньмэнь в Пекине в 1989 г. стал поводом для ограничения финансовой помощи со стороны Токио. Но основным вызовом для регионального сотрудничества в 2000-х стали военные и политические процессы, происходившие в Северной Корее, а также постепенное превращение Китая в регионального гегемона (О проблемах безопасности и сотрудничества в Северо-Восточной Азии, 2012. С. 89). Нельзя забывать, что Северо-Восточная Азия – это регион, в котором большинство акторов претендует на статус великой державы, тем самым порождая дефицит взаимного доверия и невозможность переоценки общего исторического прошлого (Лукин, 2010. С. 85).

Из первого пункта напрямую вытекает второй – нерешенность исторических проблем между региональными акторами. В первой половине XX века милитаристская политика Японии в Корее и Китае стала ассоциироваться с военными преступлениями. После окончания Второй мировой войны напряжен-

ность в отношениях акторов остается нерешенной. Исторический национализм – один из знаковых компонентов региональной политики, подкрепленный неоднозначной оценкой ответственности Японии за оккупационную политику (Стрельцов, 2009. С. 29). Периодически это приводит к нарастанию напряженности по вопросам спорных территорий в регионе, а также к экономической дезинтеграции, что было недавно продемонстрировано в ходе торговой войны между Южной Кореей и Японией. Проявления гибкости трактуются как измена национальным интересам.

Нельзя забывать про экономические факторы. Все, из представленных стран СВА, обладают совершенно различными экономическими характеристиками и уровнями индустриального развития. Если Япония и Южная Корея стабильно занимают высокие позиции в рейтинге развитых стран, то Россия и Китай выступают в роли передовых развивающихся стран. Отдельного внимания заслуживают Монголия и Северная Корея, которых сложно оценить, исходя из параметров индустриального развития.

В данном случае стоит обратиться к эколого-экономической концепции под названием Кривая Кузнеца, которая наглядно доказывает, что уровень индустриального развития непосредственно влияет на рост экологического общественного самосознания. Еще в 1990-х гг. эта гипотеза была представлена Д. Гроссманом и А. Крюгером, интерпретировавшими идею взаимозависимости экономического роста и экологической устойчивости, рассматривая ухудшение экологической обстановки как одну из неотъемлемых характеристик экономического роста. Однако, достигнув определенной высокой точки или так называемого поворотного момента, когда экономика начинает демонстрировать определенные успехи, должен последовать целый ряд нормативных актов, призванных регулировать рост экономики и экологическую устойчивость, тем самым снижая риски для экологии (Grossman, Krueger, 1995).

Можно отметить, что на данный момент страны региона проходят через разные этапы формирования собственных экологических концепций. И, если в ряде стран уже действует устоявшаяся система, то развивающиеся страны занимаются прямой

оценкой экономических рисков при проведении новой экологической политики.

Не стоит забывать, что параллельно с парадом экологических конференций 80-х гг., мир сотрясла сразу несколько системных экономических кризисов, не обойдя стороной и крепнувшие азиатские экономики. Экономические процессы в регионе были переведены на экспортно-ориентированное направление, в котором государство стимулировало определенные сферы производства, а также поддерживало конкуренцию на внутреннем и внешних рынках. С одной стороны, это укрепляло интеграционные процессы в регионе, способствующие быстрым передвижениям капитала по всей Азии; с другой стороны, привлечение капитала и инвестиций из-за рубежа повлекло за собой частичную потерю контроля государством над рыночными процессами, поставив тем самым проблемы экологии в статус трансграничных. Такая бессистемная интеграция в глобальные экономические процессы поспособствовала интенсификации экологической деградации региона.

Ситуация породила новый формат экологических взаимоотношений между странами региона, который действует по принципу «донор-реципиент», где одна сторона занимается финансированием или технологической помощью, а другая сторона принимает на себя обязательства максимально эффективно распорядиться полученными ресурсами. В общей экологической концепции Японии заложена основа для так называемой экологической дипломатии, когда устойчивая экология выступает в качестве механизма реализации внешней политики страны, а страна берет на себя обязательства лидера в природоохранном пространстве. Подобная позиция не всегда удовлетворяет «принимающую» сторону, где грань между экологической помощью и вмешательством во внутренние дела может легко стираться. Однако есть и положительные примеры подобной помощи. В 1998 г. японские власти решили сократить экологические дотации, предоставляемые Южной Корее, по причине выхода страны на новый этап устойчивого экономического роста. Теперь страна могла собственными силами решать назревшие экологические проблемы.

Несмотря на довольно большое количество перечисленных проблем, главное препятствие лежит в функциональном русле. Низкая эффективность региональных экологических отношений напрямую зависит от отсутствия регулирующих механизмов и недостаточности финансирования. В условиях отсутствия регионального лидера часто происходят ситуации с перекрестным несением обязанностей. Например, НОУПАП имеет сразу два секретариата – один в Тояме, другой в Пусане. Это касается также и структурной неразберихи. В Южной Корее деятельность НЕАСПЕК находится под руководством министерства иностранных дел, а ТЕММ входит в круг обязанностей министерства экологии (Jung W., 2016).

Меры, предпринимаемые НЕАСПЕК и другими региональными экологическими организациями, носят рекомендательный характер и остаются только в кругах, непосредственно заинтересованных в решении вопроса. Региональная же общественность либо не получает необходимых сведений, либо не заинтересована в устранении возникших проблем.

### Заключение

Разгадка многих спорных вопросов кроется в интерпретации экологической дипломатии в странах СВА. Китай выделяет экологическую дипломатию в отдельное направление, в то время как Япония включает ее в общий дипломатический процесс. Южная Корея видит в основе экологической дипломатии консенсус для сотрудничества, а Россия рассматривает ее как часть своей внешнеполитической повестки (Кондратенко, 2016. С. 50). Разные направления преследуют разные цели и, пожалуй, единственным связующим звеном в этой гонке может стать экономический фактор. Если суммировать общие концепции Белых книг по окружающей среде, издаваемых в Японии, можно проследить, что окружающая среда и экономика – два неразрывно связанных понятия. Экономическая деятельность улучшает жизнь человека только в том случае, когда сопровождается активными действиями по сохранению окружающей среды. Более того, экономическая система страны должна быть инкорпорирована с окружающей средой, где последняя является са-



мым главным активом страны (Тимонина, 2001. С. 90).

Многие международные организации и их подразделения, прекрасно понимая роль окружающей среды, призывают активно имплементировать экологические концепции во внутриполитические и экономические механизмы. К примеру, ЮНЕП под устойчивым развитием понимает целую систему мер государственного регулирования: эко-налоговые реформы, устойчивый рост инфраструктуры, ответственность бизнеса за озеленение и умеренное потребление. Но возможно ли в полной мере интегрировать новые правила и предложения в реальность восточноазиатских государств?

Для примера проведения устойчивой экологической политики стоит обратиться к опыту Европейского Союза. Развитые страны обладают многоуровневой системой экологической безопасности, а в условиях экономической глобализации, эти уровни все сложнее рассматривать без привязки друг к другу. Государственные институты тесно сотрудничают с региональными институтами Союза, где приоритет отдается решению именно региональных объединений. Помимо этого, особое внимание уделяется роли таких крупных организаций, как Мировой Банк и Валютный Фонд. Они регулируют деятельность крупных компаний, а также создают многосторонние стандарты для инвестирования. В этих условиях создается плодотворная почва для вовлечения гражданского общества и негосударственных акторов в процесс продвижения идей устойчивого развития (Razzaque, 2013. P. 14).

Рассматривая экологическое сотрудничество внутри Восточной Азии, зачастую приводят пример Ассоциации государств Юго-Восточной Азии и возможность урегулирования экологических проблем микрорегиона через внутриуставные механизмы регионального объединения. В 2017 г. АСЕАН выбрал ключевое слово для характеристики своего видения будущей экологии региона, им стало слово «устойчивый» (sustainable), что подразумевает строительство «экологически устойчивых» городов, достижение «устойчивого» климатического состояния планеты, устойчивое потребление и производ-

ство товаров в регионе (ASEAN Cooperation on Environment)<sup>8</sup>.

В первом случае, полномочия в вопросах экологического баланса распространяются гораздо дальше за границы собственно государственной концепции, и регулятивные механизмы и нормативно-правовые акты Европейского Союза стоят выше, нежели подобные внутригосударственные структуры. АСЕАН, изначально созданный для экономической интеграции региона, все чаще в своих официальных документах и концепциях затрагивает вопросы охраны окружающей среды. Однако на первое место в списке приоритетов все же ставит первоначальные экономические цели, а вмешательство органов АСЕАН во внутренние дела государств не приветствуется.

И, если опыт других региональных объединений будет сложно перенести в СВА, то универсальная концепция устойчивого развития, предполагающая стабильный экономический рост, может стать платформой для нового этапа регионального сотрудничества. Необходимый промышленный толчок был дан, возросла потребительская способность во всех странах региона. Наступает этап обращения к вопросам сохранения окружающей среды и вовлечение общественности в решение этого вопроса. Основная проблема лежит во временном промежутке между первой ступенью и следующей. Если проблемы экологии не решать в процессе постоянного роста потребления, это приведет к деградации природных ресурсов и поставит под вопрос их возобновляемость (Terao, 2007. P. 40).

Возвращаясь к словам Индиры Ганди, стоит обратиться к Йоханнесбургской декларации по устойчивому развитию 2002 г., провозгласившей фундаментальные принципы свободы, равенства, солидарности, терпимости и уважения к природе. В основе достижения этих целей лежат не столько вопросы охраны окружающей среды, сколько сокращение экономического разрыва между странами, ликвидация нищеты и неграмотности, формирова-

---

<sup>8</sup> ASEAN Cooperation on Environment. Available at: <https://asean.org/wp-content/uploads/2018/02/50.-December-2017-ASEAN-Cooperation-on-Environment-At-A-Glance.pdf> (accessed March 6, 2020).

ние глобального партнерства (Экологические проблемы стран Азии и Африки, 2012. С. 26). Подобные цели стоят также и перед странами Северо-

Восточной Азии при будущих попытках построения многосторонней экологической дипломатии.

**Библиографический список**

Кондратенко Г.В. Экологическая дипломатия стран Северо-Восточной Азии // Известия Восточного Института. 2016. № 2 (30). С. 47–64.

Куклина А.С. История становления основных принципов экологической политики Японии // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2018. Т. 26. С. 127–137. DOI: <https://doi.org/1026516/2222-9124.2018.26.127>

Лукин А. Перспективы сотрудничества в Северо-Восточной Азии // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 1 (22). С. 82–88.

О проблемах безопасности и сотрудничества в Северо-Восточной Азии // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 12. С. 87–92.

Природопользование Дальнего Востока России и Северо-Восточной Азии: потенциал интеграции устойчивого развития. Под ред. А.С. Шейнгауза. Владивосток: Дальневосточное отделение Российской академии наук, 2005. 526 с.

Стапран Н.В. Экологическая безопасность Японии: внешнеполитический аспект // Япония 2002–2003. Ежегодник. 2003. С. 101–120.

Стрельцов Д.В. Российский вектор японской внешнеполитической стратегии в АТР // Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политические, экономические и социально-культурные аспекты. 2009. С. 28–42.

Тимонина И.Л. Экономические аспекты экологической политики: современные подходы и проблемы // Япония 2000–2001. Ежегодник. 2001. С. 86–110.

Экологические проблемы стран Азии и Африки. Под ред. Д.В. Стрельцова и Р.А. Алиева. М.: Аспект Пресс, 2012. 271 с.

Environmental policy in Japan. Ed. by Hidefumi Imura, Miranda A. Schreurs. Cheltenham, U.K.: Edward Elgar, 2005. 406 p.

Grossman G.M., Krueger A. Economic Growth and the Environment // Quarterly Journal of Economics. 1995. No. 2. P. 353–377.

Jung W. Environmental Challenges and Cooperation in Northeast Asia. Focus Asia: Perspective & Analyses. March 16, 2016, No 16. Available at: <https://isdpa.eu/content/uploads/images/stories/isdpa-main-pdf/2016-jung-environmental-challenges-cooperation->

**References**

Kondratenko G.V. (2016) Environmental diplomacy of North-East Asian countries. *Izvestiya Vostochnogo Instituta* = News of the Oriental Institute. No. 2 (30). P. 47–64. (In Russ.)

Kuklina A.S. (2018) History of Establishment of Japanese Environmental Policy's Major Principles. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya. Istoriya* = News of Irkutsk State University. Series: History. No. 26. P. 127–137. DOI: <https://doi.org/1026516/2222-9124.2018.26.127> (In Russ.)

Lukin A. (2010) Perspectives of North-East Asian cooperation. *Mezhdunarodnye protsessy* = International processes. No. 8. 82–88. (In Russ.)

(2012) About problems of security and cooperation in North-East Asia. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* = World Economy and International Relations. No. 12. P. 87–92. (In Russ.)

Sheingauz A.S. (2005) Nature Management in the Russian Far East and North-East Asia: Potential for Integrating Development Studies. Vladivostok: Dal'nevostochnoe otделение Rossiiskoi akademii nauk. 526 p. (In Russ.)

Stapran N.V. (2003) Japanese environmental security: foreign policy aspect. *Japonija 2002–2003. Ezhegodnik* = Japan 2002–2003. Yearbook. P. 101–120. (In Russ.)

Strel'cov D.V. (2009) Russian vector of Japanese foreign policy strategy in the Asia–Pacific region. *Japonija v Aziatsko-Tihookeanskom regione: politicheskie, jekonomicheskie i social'no-kul'turnye aspekty* = Japan in the Asia-Pacific Region: Political, Economic, and Socio-Cultural Aspects. P. 28–42. (In Russ.)

Timonina I.L. (2001) Economic Aspects of Environmental Policy: Current Approaches and Problems. *Japonija 2000–2001. Ezhegodnik* = Japan 2002–2003. Yearbook. P. 86–110. (In Russ.)

Strel'cova D.V., Alieva R.A. (2012) Environmental problems of Asian and African countries. Moscow: Aspekt Press. 271 p. (In Russ.)

Environmental policy in Japan. Ed. by Hidefumi Imura, Miranda A. Schreurs. Cheltenham, U.K.: Edward Elgar, 2005. 406 p.

Grossman G.M., Krueger A. Economic Growth and the Environment // Quarterly Journal of Economics. 1995. No. 2. P. 353–377.

Jung W. Environmental Challenges and Cooperation in Northeast Asia. Focus Asia: Perspective & Analyses. March 16, 2016, No 16. Available at: <https://isdpa.eu/content/uploads/images/stories/isdpa-main-pdf/2016-jung-environmental-challenges-cooperation->

northeast-asia.pdf (accessed November 15, 2019)

Kelley D.R., Stunkel K.R., Wescott R.R. The economic superpowers and the environment: the United States, the Soviet Union, and Japan. San Francisco: W.H. Freeman, 1976. 335 p.

Kim C.-W. Northeast Asian Environmental Cooperation: from a TEMM's Perspective. Korea Review of International Studies. Vol. 12 (1), 2009, pp. 19–36. Available at: <https://gis.korea.ac.kr/wp-content/uploads/2015/04/12-1-02-Chan-woo-Kim.pdf> (accessed November 7, 2019)

Mori A. Environmental governance for sustainable development: East Asia perspectives. Tokyo: United Nations University Press, 2013. 384 p.

New Linkage of Northeast Asian Regional Cooperation. Ed. by Kyuryoon Kim. Seoul: Korea Institute for National Unification, 2007. 244 p.

Razzaque J. Environmental governance in Europe and Asia: a comparative study of institutional and legislative frameworks. London: Routledge, 2013. 142 p.

Smith K.S. Environment and Cooperation. // Japan and Russia in northeast Asia: partners in the 21st century. Vladimir I. Ivanov and Karla S. Smith (ed.). Westport, Conn.: Praeger. 1999. pp. 303–318.

Terao T. Industrial Policy. Development and Pollution Control. // Development of Environmental Policy in Japan and Asian Countries. Tadayoshi Terao, Kenji Otsuka (eds.). Basingstake: Palgrave Macmillan, 2007. 290 p.

Tsunekawa K. Why So Many Maps There? Japan and Regional Cooperation. // Remapping East Asia: the construction of a region. Ed. by T.J. Pempel. Cornell University Press: London. 2005. 101–138 pp.

#### Критерии авторства

A.C. Kuklina выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

#### Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

**Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.**

#### Сведения об авторе

**Куклина Александра Сергеевна**, преподаватель кафедры мировой истории и международных отношений, Иркутский государственный университет, 664003, Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, Россия, ✉ e-mail: kuklinasasha.hk@gmail.com

northeast-asia.pdf (accessed November 15, 2019)

Kelley D.R., Stunkel K.R., Wescott R.R. The economic superpowers and the environment: the United States, the Soviet Union, and Japan. San Francisco: W.H. Freeman, 1976. 335 p.

Kim C.-W. Northeast Asian Environmental Cooperation: from a TEMM's Perspective. Korea Review of International Studies. Vol. 12 (1), 2009, pp. 19–36. Available at: <https://gis.korea.ac.kr/wp-content/uploads/2015/04/12-1-02-Chan-woo-Kim.pdf> (accessed November 7, 2019)

Mori A. Environmental governance for sustainable development: East Asia perspectives. Tokyo: United Nations University Press, 2013. 384 p.

New Linkage of Northeast Asian Regional Cooperation. Ed. by Kyuryoon Kim. Seoul: Korea Institute for National Unification, 2007. 244 p.

Razzaque J. Environmental governance in Europe and Asia: a comparative study of institutional and legislative frameworks. London: Routledge, 2013. 142 p.

Smith K.S. Environment and Cooperation. // Japan and Russia in northeast Asia: partners in the 21<sup>st</sup> century. Vladimir I. Ivanov and Karla S. Smith (ed.). Westport, Conn.: Praeger. 1999. pp. 303–318.

Terao T. Industrial Policy. Development and Pollution Control. // Development of Environmental Policy in Japan and Asian Countries. Tadayoshi Terao, Kenji Otsuka (eds.). Basingstake: Palgrave Macmillan, 2007. 290 p.

Tsunekawa K. Why So Many Maps There? Japan and Regional Cooperation. // Remapping East Asia: the construction of a region. T.J. Pempel (ed.). Cornell University Press: London. 2005. 101–138 pp.

#### Attribution criteria

A.S. Kuklina conducted research, made a compilation and prepared the manuscript for publication. She has copyrights of the article and is fully responsible for its originality.

#### Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

**The author has read and approved the final manuscript.**

#### Information about the author

**Aleksandra S. Kuklina**, Lecturer of Department of World History and International Relations, Irkutsk State University, 1, Karl Marx street, Irkutsk 664003, Russia, ✉ e-mail: kuklinasasha.hk@gmail.com